

Унификация и формализация выборов руководящих органов ВКП(б) в 1937–1941 гг.

Федоров Алексей Николаевич — канд. ист. наук, доц., Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия)

Одним из формальных признаков демократического строя в СССР были регулярные выборы Советов всех уровней. Вместе с тем выборными являлись и руководящие органы общественных организаций, включая коммунистическую партию. Выборность всех руководящих органов партии провозглашалась в уставных документах, начиная с Устава РСДРП(б) 1917 г., но порядок самих выборов с течением времени менялся. До конца 1930-х гг. члены партийных комитетов за исключением Центрального избирались открытым голосованием, и только в 1937 г. было введено тайное голосование.

В советской историографии изменение порядка выборов партийных органов подавалось как восстановление одной из основ демократического централизма, но все комментарии на сей счёт лишь дублировали формулировки из резолюции февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. и других официальных партийных документов¹. Этим сюжетом отечественные историки заинтересовались только в конце 1990-х гг. Тогда В. З. Роговин, опираясь в основном на воспоминания Н. С. Хрущёва, первым озвучил версию, что И. В. Сталин использовал тайное голосование для устранения неудобных ему региональных руководителей, а выборы партийных органов в 1937 г. сформировали у членов партии «чувство незащищенности и страха по поводу возможных провокационных обвинений»². Спустя несколько лет Ю. Н. Жуков предложил противоположную трактовку событий. Он полагал, что в 1936–1937 гг. высшее руководство СССР стремилось осуществить демократизацию общественно-политической жизни за счёт введения альтернативных и тайных выборов советских и партийных органов, но натолкнулось на противодействие партийных бюрократов, что вынудило сталинскую группу перейти к массовым чисткам³. Практически сразу данную версию раскритиковала И. В. Павлова. Она показала, что в 1937 г. никто из первых секретарей региональных комитетов не лишился своих постов в ходе выборов партийных органов по новой системе, следовательно, эти выборы изначально не были альтернативой репрессиям⁴.

После дискуссии начала 2000-х гг. выборы партийных органов в 1937 г. мало интересовали отечественных историков. Только в последнее десятилетие появились

публикации, в которых с разной степенью детализации рассмотрены ход и результаты отдельных региональных партконференций 1920–1930-х гг. В них приводятся сведения о составе делегатов, ходе прений и тематике критических замечаний, представлениях коммунистов о возможных способах демократизации партийной жизни, трудностях, с которыми столкнулось региональное руководство из-за введения тайных выборов⁵.

Зарубежные исследователи редко обращались к указанной теме, но свои соображения озвучили ещё в 1950-е гг. Именно тогда Б. Мур предположил, что руководство СССР с помощью тайных выборов и других демократических процедур стремилось в конце 1930-х гг. снизить недовольство в обществе, заменить неэффективных чиновников, разрушить «бюрократические клики» в регионах⁶. В середине 1980-х гг. А. Гетти заявил, что новая система выборов была одной из тактик, с помощью которых центр пытался усилить контроль над региональными руководителями, но эти выборы не дали результата, поскольку первые секретари обкомов и крайкомов «были легко переизбраны»⁷. В наши дни важные мысли по теме высказали Й. Горлицкий и О. В. Хлевнюк, подробно проанализировавшие региональные партийные конференции второй половины 1940-х гг. Они заметили, что и до, и после войны центр использовал выборы не только как одно из средств контроля над региональными руководителями, но и для оценки эффективности их работы и уровня сплочённости местных элит⁸.

Сосредоточенность на отдельных аспектах выборов партийных органов в 1937 г. и ограниченная источниковая база не позволили исследователям проследить весь процесс изменения партийных выборов в конце 1930-х гг., определить характер и причины этих преобразований. Чтобы прояснить данные моменты необходимо рассмотреть становление новой системы выборов, выявить трудности, возникшие при её внедрении, позицию центра и местных властей, определить результаты преобразований. Для решения этих задач были задействованы документы Политбюро и Оргбюро, Отдела руководящих партийных органов и Управления кадров ЦК ВКП(б) за 1937–1941 гг. и материалы региональных партийных комитетов – Башкирского, Свердловского, Удмуртского и Челябинского обкомов ВКП(б), – за тот же период.

Главными чертами партийных выборов до 1937 г. являлись разнообразие и неформализованность. Выборы Центрального комитета партии проводились согласно обычаям, сложившимся ещё до прихода большевиков к власти и окончательно выработанным на VIII–X съездах РКП(б). Перечень кандидатур в члены, кандидаты в члены и члены ревизионной комиссии ЦК составлялся на основе записок, которые в президиум съезда подавали группы действующих членов ЦК и делегации региональных парторганизаций. Затем на закрытом заседании обсуждали намеченные кандидатуры,

формировали окончательные списки кандидатур и открытым голосованием избирали счётную комиссию. Делегаты съезда с решающим голосом получали напечатанные списки и после тайного голосования, когда в бюллетене можно было вычеркнуть любое имя и дописать другое, передавали их в счётную комиссию, а с конца 1920-х гг. опускали в урны. После подсчёта голосов комиссия оглашала результаты, обычно указывая, сколько голосов «за» получили отдельные кандидатуры. Если избранных (получивших более половины голосов) было меньше намеченного количества, то проводились довыборы⁹.

Выборы региональных и местных партийных комитетов до 1937 г. также проходили по неписаным правилам, хотя некоторые комитеты принимали специальные положения о порядке их проведения¹⁰, во многом дублировавшие инструкцию о выборах в местные Советы. Список кандидатур в члены и кандидаты в члены партийного комитета ещё до партийной конференции составляли действующие руководители комитета и видные фигуры партийного актива. Эту группу называли советом старейшин, сеньорен-конвентом (термин применялся до середины 1930-х гг.) по аналогии с органом, который собирался во время сессий Советов для решения организационных вопросов, в том числе подготовки выборов членов исполкомов. Любая группа делегатов партийной конференции тоже могла подать в президиум собственный список кандидатур, но с конца 1920-х гг. это практиковалось редко, вероятно потому, что подобную инициативу стали воспринимать как проявление фракционности. Выборы проходили в конце конференции. Президиум выносил на обсуждение список кандидатур, и делегаты могли как отвести озвученные кандидатуры, так и добавить новые, но обычно предложенный список утверждали без обсуждения. На региональном и местном уровне выборы были открытыми: делегаты просто поднимали свои мандаты, а счётчики вели подсчёт. По решению конференции голосовали либо за весь список, либо по каждой кандидатуре отдельно, либо смешанным способом (кандидатуры областных руководителей голосовались отдельно, остальные – списком). В первой половине 1930-х гг. наибольшее распространение получил первый вариант, гораздо реже применялся третий, а персональное голосование не встречалось. Благодаря этому все процедуры – выдвижение кандидатур, их обсуждение, голосование, – занимали, как правило, не более часа¹¹.

Демократичность таких выборов была невысокой, поскольку они были многоступенчатыми (собрания первичек выбирали делегатов на городские и районные конференции, а те в свою очередь – делегатов на региональные конференции), открытыми, а участие делегатов в них фактически сводилось к простому одобрению кандидатур, предложенных начальством. Такие выборы доставляли проблемы региональному руководству только в том случае, если выставленные им кандидатуры вызывали слишком

серьёзные возражения у партийного актива¹². Более того, партийные конференции в первой половине 1930-х гг. проводились либо для избрания делегатов на партийные съезды, либо в только что созданных партийных организациях. Если в 1934 г., накануне XVII съезда выборы прошли в 49 региональных комитетах (76,6 %), то в 1935 г. – в пяти (7,8 %), а в 1936 г. – только в трёх (4,7 %). Районные и городские конференции проводились чаще, но нерегулярно¹³. В результате выборность надолго уступила место кооптации: новых членов партийных комитетов не избирали на конференции, а утверждали на пленумах. Это вполне устраивало и центр, и региональное руководство, поэтому предложений о реформировании выборной системы в тот период не поступало.

Переход к новым принципам и процедурам состоялся только в 1937 г. и оказался неожиданным как для функционеров, так и рядовых коммунистов. До сих пор не обнаружены документы, освещающие подготовку данного шага, но идея формализовать и несколько демократизировать выборы в партии возникла у высшего руководства в период подготовки реформы избирательной системы¹⁴. Показательно, что об изменении выборов в партии официально было объявлено на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) при обсуждении мероприятий по введению всеобщих, прямых, равных и тайных выборов в Советы. Чтобы руководить этим «поворотом в политической жизни страны» партийные органы, по заявлению А. А. Жданова, сами должны были перестроиться «на демократический лад». Эта перестройка, прежде всего, заключалась в регулярном проведении отчётов и выборов и лишь во вторую очередь в замене открытого голосования списком на тайное голосование по каждой кандидатуре¹⁵. В прениях по докладу никто не возражал против регулярных отчётов и новых выборов и обсуждение в основном касалось процедурных моментов, в частности, проводить тайное голосование баллотированием или другим способом¹⁶.

Потребовав провести по-новому выборы во всех партийных органах до 20 мая, центр, тем не менее, не подготовился к ним. На февральско-мартовском пленуме были озвучены самые общие идеи, которые требовалось разъяснить и детализировать. Но даже к началу выборов инструкции о том, как их проводить просто не было. Толчком для её создания послужила телеграмма С. В. Косиора от 20 марта 1937 г., в которой он просил указаний «по неясным ещё вопросам», а именно «выбирать ли открытым либо тайным голосованием партторгов и делегатов на партконференцию и членов бюро парткомов». На вопросы первого секретаря ЦК КП(б) Украины в тот же день И. В. Сталин ответил: «Все выборы проводите путем тайного голосования»¹⁷. Но этим дело не ограничилось. Тогда же он вызвал в свой кремлёвский кабинет Л. М. Кагановича, Г. М. Маленкова, В. М. Молотова и Б. М. Таля и они

вместе за два часа разработали инструкцию «Об организации выборов парторганов». Ночью 21 марта 1937 г. Политбюро утвердило, а утром «Правда» опубликовала её текст¹⁸.

Согласно инструкции тайным голосованием выбирались делегаты на районные, городские и региональные партийные конференции, члены всех партийных комитетов, а также их секретари и члены бюро. Кандидатуры полагалось выдвигать и обсуждать на партийном собрании или конференции, и в случае отвода любой кандидатуры вопрос об её оставлении или исключении решать открытым голосованием. Перед выборами требовалось избрать счётную комиссию, председатель которой был обязан разъяснить порядок голосования. Каждому делегату с решающим голосом следовало выдать список одобренных кандидатур, в котором он мог зачеркнуть любую кандидатуру или дописать новую. Само голосование должно было проходить на закрытом заседании, а подсчёт голосов при закрытых дверях. Счётной комиссии полагалось доложить конференции результаты голосования и считать избранными тех, кто получил наибольшее количество голосов «за», но не менее половины всех голосов¹⁹.

После обнаружения инструкции просьбы о разъяснении процедурных моментов прекратились, но по мере проведения выборов центру пришлось отвечать на деликатные вопросы и принимать предложения об изменении недавно установленного порядка выборов. Что касается первого, то в апреле 1937 г. руководители ряда региональных организаций поинтересовались у Г. М. Маленкова, возглавлявшего тогда Отдел руководящих партийных органов ЦК ВКП(б), что делать, если члены Политбюро, выдвинутые делегатами на партийные конференции, получили голоса против и получили рекомендацию «таких результатов не оглашать»²⁰. Осторожность региональных чиновников и Маленкова в этом вопросе понятна: оглашение неудобных результатов можно было расценить как подрыв авторитета руководителей партии. Но Политбюро на данном этапе выступало за неограниченную демократию, поэтому 8 мая 1937 г. приняло постановление «О нарушениях порядка оглашения результатов закрытого (тайного) голосования», в котором потребовало «полностью устно (не в печати) оглашать результаты тайного голосования, кого бы оно не касалось»²¹. Что касается предложений, то в апреле–мае, в разгар отчётно-выборной кампании поступило несколько писем о пересмотре ряда положений инструкции ЦК ВКП(б). Так, 28 марта первый секретарь Горьковского обкома Э. К. Прамнэк сообщил И. В. Сталину, что «многие неплохие партийные и другие руководители могут оказаться не избранными в партийные органы». Он разъяснил, что управленцев областного и районного уровня, как хорошо известных партийному активу, будут критиковать больше, чем неизвестных рабочих и секретарей первичных парторганизаций, поэтому при тайном голосовании они получат больше «чёрных шаров», чем другие кандидатуры и не войдут в новый состав комитета. Во

избежание таких «неожиданностей и случайностей» Прамнэк предложил обратиться к опыту партийных съездов, где на выборах ЦК выставляют ограниченное количество кандидатур или продумать иной порядок голосования²². Данные предложения регионального руководителя можно расценить как попытку обезопасить себя от превратностей тайного голосования, но через два года станет очевидным, что Прамнэк ещё на старте выборной реформы выявил один из ключевых её «недостатков» и нашёл оптимальный вариант его нейтрализации.

Выполнить постановление февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) о проведении выборов во всех местных и региональных партийных органах до 20 мая не удалось, но ко второй декаде июня выборная кампания завершилась. Исключая единичные случаи, по которым принимались срочные меры, выборы прошли по-новому. Прежде всего, на всех районных, городских, региональных партконференциях и съездах компартий союзных республик наблюдалось чрезвычайно активное выдвижение кандидатур в состав партийных комитетов. На выборах райкомов и горкомов на каждые 100 избранных человек выдвинули 250 кандидатур²³, а в ряде случаев выдвигали почти всех присутствовавших делегатов²⁴. На региональных конференциях процесс был более управляем, но и здесь кандидатур предлагали в 1,5–2 раза больше, чем требовалось избрать²⁵. Обсуждение многочисленных кандидатур тоже проходило чрезвычайно бурно и затягивалось на 2–3 дня, поскольку некоторых людей расспрашивали долго, требуя осветить мельчайшие детали их биографии. При этом любую попытку президиума ограничить бесконечные и часто бессмысленные допросы делегаты воспринимались как покушение на «неограниченное право» критики и отвода. У такого обсуждения была и ещё одна сторона – большое количество отводов. Неподходящее социальное происхождение, участие в оппозиции, совместная работа с «врагами народа» и связь с подозрительными личностями, молодость и небольшой партийный стаж, малейшая оплошность во время конференции и нечёткие ответы оборачивались исключением из списка кандидатур²⁶. Много было и самоотводов со ссылкой на малый опыт и занятость по основной работе. В результате, на районных конференциях в 40 регионах страны было отведено 35 % всех выставленных кандидатур²⁷. На региональных конференциях данный показатель варьировался от 12 % до 20 % и лишь изредка достигал 30–35 %²⁸.

Что касается тайного голосования, то оно прошло гораздо организованнее, чем выдвижение и обсуждение кандидатур. Чтобы ускорить процесс на каждые 50–100 делегатов выделяли отдельный стол, где члены счётной комиссии выдавали незаполненные бюллетени, и урну, в которую надлежало опустить уже заполненные бюллетени. Председатели счётных комиссий разъясняли, что в трёх бюллетенях, представлявших собой списки людей,

выдвинутых в члены комитета, кандидаты в члены комитета и члены ревизионной комиссии можно зачеркнуть любую фамилию или написать другую²⁹. Несмотря на очевидные выгоды такой организации, некоторые делегаты усматривали в ней, особенно в распределении по столам и урнам, нарушение тайны голосования, и только отсылка к тому, что так делают на выборах Центрального комитета, развеивала их сомнения³⁰.

В результате выборов по новой системе состав партийных органов в 1937 г. значительно обновился. Доля новых членов райкомов и горкомов составила 55,3 %, а в обкомах, крайкомах и ЦК компартий союзных республик – 60,4 %³¹. Что касается секретарей региональных комитетов, то 30% из них были избраны впервые. Это не значит, что все их предшественники не прошли испытания выборами. Такое случилось на районных конференциях³², но не региональных. Информационные сообщения «Правды» об итогах выборов на 42 партийных съездах и конференциях, а также биографические данные первых секретарей региональных комитетов партии того времени, показывают, что ни один из них не лишился поста в ходе тайного голосования. Все «старые» секретари получили минимальное количество голосов «против». Так, первый секретарь Башкирского обкома Я. Б. Быкин получил 343 голоса «за» и 5 «против», первый секретарь Челябинского обкома К. В. Рындин – 387 и 7 голосов соответственно, а первого секретаря Саратовского обкома А. И. Криницкого избрали единогласно³³. Секретари, назначенные накануне конференций, тоже показали хорошие результаты. За А. Я. Столяра (Свердловский обком) проголосовало 409 делегатов и 8 против, за С. Н. Барышникова (Удмуртский обком) подали 371 голос и только 5 против³⁴. Руководители, которые по тем или иным причинам не устраивали ЦК ВКП(б), были освобождены до начала выборной кампании, а именно И. Д. Кабаков (Свердловский обком), М. Б. Новаковский (Ойротский обком), М. Д. Прусаков (Мордовский обком), М. О. Разумнов (Восточно-Сибирский крайком), М. П. Хавкин (обком Еврейской автономной области)³⁵. Первому секретарю Ярославского обкома А. Р. Вайнову позволили отчитаться на конференции, но после разгромной критики Л. М. Кагановича о выдвижении его кандидатуры не было и речи³⁶. Первый секретарь Курского обкома Б. П. Шеболдаев 4 июня был избран в президиум конференции с минимальным количеством голосов «против», а 10 июня, до выдвижения кандидатур, был арестован³⁷.

Некоторые исследователи полагают, что благополучный исход выборов 1937 г. для первых секретарей был связан с тем, что они оказывали давление на делегатов, но конкретных примеров этого не приводят³⁸. Между тем у первых секретарей действительно имелись рычаги воздействия на электорат. Прежде всего, они могли открыто поддержать или раскритиковать ту или иную кандидатуру, что нередко оказывалось решающим аргументом при обсуждении. Имелись и «непартийные методы действий». Об одном из них в своих

воспоминаниях поведал Н. С. Хрущёв, которому поручили провалить на выборах Московского обкома И. Г. Неронова и Е. М. Ярославского: «Тогда я собрал секретарей партийных комитетов и рассказал им, что имеются указания относительно комиссара и Ярославского и надо все сделать, но осторожно, чтобы их вычеркнули бы при голосовании»³⁹. О том, что высокие начальники могли собрать делегатов из числа подчинённых и напутствовать «против кого голосовать самим и провести соответствующую работу в своих делегациях», говорят и другие участники партийных выборов того времени⁴⁰. Тем не менее, сомнительно, что всех делегатов можно было «обработать» настолько, чтобы они практически единогласно голосовали не только за первого, но и остальных секретарей. Скорее, здесь сказалось отношение коммунистов к региональным руководителям, как людям, чей авторитет без санкции свыше недопустимо было ставить под сомнение.

Выборы партийных органов в 1937 г. показали центру, что новая система выборов в силу своей непродуманности и неподготовленности, а также высокой активности партийных масс породила организационный хаос и нуждается в доработке. В частности, стало ясно, что проведение всех выборов посредством тайного голосования существенно затрудняет работу партийных конференций. Корректировка этой установки началась ещё летом 1937 г., когда Политбюро заменило тайные выборы вторых и третьих секретарей районных, городских, окружных и региональных комитетов партии на открытые. И даже такое незначительное отступление от недавно утверждённого ЦК правила вызвало недоумение у региональных руководителей, бросившихся уточнять, в самом ли деле речь идёт об открытом голосовании⁴¹. Следующим, более продуманным шагом по пересмотру изначальных установок стала «Инструкция о проведении выборов руководящих партийных органов», утверждённая Политбюро 28 марта 1938 г. и через два дня опубликованная в передовице «Правды». Общие принципы выборов остались прежними: запрет на предварительное составление списков кандидатур, их открытое выдвижение и обсуждение, неограниченное право критики и отвода. При этом существенно сократили применение тайного голосования. Теперь президиумы, секретариаты, мандатные и счётные комиссии на конференциях, секретарей и членов бюро партийных комитетов на пленумах следовало избирать открыто. Прекращение выдвижения кандидатур и их обсуждения, оставление или отведение кандидатур, по которым поступил отвод тоже предписывалось решать только открытым голосованием⁴². Чтобы усилить эффект этой инструкции и добиться того, чтобы выборы партийных органов в 1938 г. прошли «более организованно» ЦК ВКП(б) провёл и другие мероприятия. В частности, Отдел руководящих партийных органов составил календарь областных и краевых партконференций, наметил командировать туда 40 своих инструкторов,

доработал формы статистических отчётов о выборах, заранее разработал порядок утверждения работников, избранных секретарями региональных комитетов⁴³.

В мае–июле и сентябре 1938 г. партийные конференции прошли в 110 из 112 региональных партийных организаций⁴⁴. Несмотря на новую инструкцию ЦК ВКП(б) и опыт прошлого года, позволивший оптимизировать некоторые процедуры⁴⁵, многие конференции вновь продлились дольше недели, а выборные страсти на них кипели не меньше, чем в 1937 г. Об этом, в частности, свидетельствует выдвижение кандидатур. В 1938 г. на каждые 100 избранных членов райкомов и горкомов делегаты конференций выставили 155 кандидатур⁴⁶. В обкомах и крайкомах кандидатур наметили на 25–45 % больше, чем требовалось избрать⁴⁷. При этом обсуждение кандидатур проходило острее, чем в прошлом году. Подозрительность делегатов,кратно усиленная репрессиями, приводила к тому, что их расспросы нередко напоминали допрос с пристрастием. Тем не менее, отведённых кандидатур в этот раз было меньше. На выборах райкомов отвели 19,8 % кандидатур, горкомов – 17,7%, обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик – 12,6 %⁴⁸.

Итоги выборов 1938 г. оказались неоднозначными. С одной стороны, состав партийных органов существенно изменился: доля новых членов в райкомах составила 63,8 %, в горкомах – 79,5 %, а в региональных комитетах – 84,6 %. Корпус секретарей райкомов и горкомов обновился на 37,2 %, а обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик – на 33 %⁴⁹. Всё это можно истолковать, как проявление и результат «номенклатурной революции». Но в документах Отдела руководящих партийных органов ЦК ВКП(б) за 1938 г. отсутствуют сведения о неизбранных секретарях обкомов и крайкомов. То есть повторилась ситуация, когда все региональные функционеры, допущенные к выборам⁵⁰, были избраны. С другой стороны, делегаты стали чаще голосовать против рядовых секретарей региональных комитетов партии, председателей облисполкомов и Совнаркомов республик. Если в 1937 г. люди, занимавшие данные посты, редко получали даже 5 % голосов «против», то в 1938 г. результаты голосования по ним вызывали серьёзные опасения. Например, против третьего секретаря Челябинского обкома партии В. П. Панова проголосовало 88 делегатов (24 %), а против и. о. председателя Свердловского облисполкома Ф. К. Семёнова – 171 (40,2 %). По количеству голосов «за» они были последними в списке избранных, и при менее благоприятном раскладе не прошли бы в новый состав комитета⁵¹. И эти примеры показывают, что впервые для региональных руководителей возможность потерять должность в ходе перевыборов из гипотетической превратилась в реальную.

Ещё отчётливее данная угроза проявилась в ходе выборной кампании февраля–марта 1939 г. Она отличалась тем, что выборы партийных органов проводились только в недавно созданных партийных организациях (Пермская, Приморская и Хабаровская) и там, где в 1938

г. конференции не проводились (Омская, Удмуртская) или требовались довыборы (Свердловская). В остальных случаях выбирали только делегатов на XVIII съезд ВКП(б). Несмотря на то, что эти выборы готовились тщательно и были обставлены очень торжественно, они прошли трудно.

На всех конференциях кандидатов в делегаты съезда выдвинули в 1,5–2 больше, чем требовалось. Обсуждение кандидатур, несмотря на весь пафос, происходило напряжённо, поэтому не обошлось без отводов. Неожиданными стали и результаты голосования. Если кандидатура И. В. Сталина, выдвинутая на Башкирской, Свердловской и Удмуртской конференциях, и кандидатуры А. А. Андреева и В. М. Молотова, выставленные на Свердловской конференции прошли единогласно, то многие кандидатуры из числа местных руководителей получили солидное количество голосов «против» или были забаллотированы, получили меньше половины всех голосов. Например, на Башкирской областной партийной конференции забаллотировали 9 из 26 кандидатов в делегаты съезда с решающим голосом и 9 из 12 кандидатов в делегаты с совещательным голосом, и поскольку требовалось избрать 6 человек, то пришлось проводить второй тур голосования⁵². На Удмуртской областной партийной конференции забаллотировали 3 из 11 кандидатов в делегаты с решающим голосом, на Свердловской – 12 из 37, на Челябинской – 8 из 30⁵³. В числе забаллотированных или не избранных оказались второй секретарь Башкирского обкома партии Н. Л. Блохин (154 «за» и 153 «против»), второй секретарь Удмуртского обкома Н. В. Долгушев (141 «за» и 167 «против») и председатель СНК Удмуртской АССР А. В. Тронин (165 «за» и 143 «против»). Все первые секретари уральских обкомов были избраны делегатами на партийный съезд, но один из них – Г. С. Растёгин (Башкирия), – получил не 2–3,5 % «чёрных шаров», а 16,9 %. С критическим отношением со стороны коллег столкнулись и вторые секретари Свердловского и Челябинского обкомов партии Ф. Д. Навозов и М. С. Ермаков, получившие 27,6 % и 13,5 % голосов «против» соответственно. Их немного «опередили» третий секретарь Башкирского обкома Г. Ш. Галиев и председатель СНК Башкирской АССР Ф. В. Шагимарданов⁵⁴.

Ситуация с выборами на региональных партийных конференциях резко контрастировала с тем, как на XVIII съезде ВКП(б) избрали Центральный комитет. Здесь поступили не по инструкции, а в соответствии с давней традицией: совет представителей делегаций республик, краев и областей заранее определил список кандидатур, причём так, чтобы их количество соответствовало намеченному количеству членов ЦК. Это позволило не только за один вечер провести выборы, но и не беспокоиться об итогах голосования. Все кандидатуры были избраны⁵⁵. Вероятно, именно тогда первые лица партии решили так подправить процедуры, чтобы выборы региональных и местных партийных органов проходили столь же организованно и ожидаемо. На съезде этот вопрос публично не

обсуждали. В докладе об изменениях в Уставе ВКП(б) А. А. Жданов лишь констатировал, что отмена кооптации, введение тайного голосования и прочие «демократические практики» оказали «плодотворное влияние на всю жизнь партийных организаций», а доказательством роста активности и сознательности коммунистов стали «предсъездовская дискуссия и результаты выборов партийных органов, которые продемонстрировали расцвет партийного демократизма»⁵⁶. Единственное, что сделали на съезде – включили в Устав параграф, закрепивший «проверенные практикой» принципы: запрет на голосование списком, голосование по отдельным кандидатурам, неограниченное право отвода и критики кандидатур, закрытое голосование. Решительные перемены нужно было подготовить, поэтому провели их спустя полгода.

29 августа 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило «Инструкцию о проведении выборов руководящих партийных органов», которую разослали во все региональные комитеты и вскоре опубликовали в журнале «Партийное строительство»⁵⁷. В отличие от первых инструкций, в написании которых лично участвовал И. В. Сталин, подготовкой этого документа занимался заместитель заведующего Организационно-инструкторским отделом М. А. Шамберг. Всё в этой инструкции было выверено заранее, поэтому и Оргбюро, и Политбюро утвердили её без малейших правок⁵⁸. Её новые положения были заимствованы из практики выборов Центрального комитета, которая в очередной раз показала свою надёжность на XVIII съезде. Впервые эта практика впервые была зафиксирована и распространена на все партийные органы, благодаря чему завершилась унификация и формализация выборов, начатая в 1937 г.

Новая инструкция подтвердила, что кандидатуры в состав партийного органа выдвигаются делегатами и персонально обсуждаются непосредственно на конференции; делегаты имеют право отвода любой кандидатуры; голосование должно быть тайным, а каждый делегат может зачеркнуть в бюллетене любую кандидатуру и добавить новую. При этом из инструкции убрали строгий запрет на предварительное составление списка кандидатур. Это сделали во избежание недоразумений, которые мог вызвать пункт 11 новой инструкции. Согласно этому пункту на районных, городских, окружных, областных, краевых партийных конференциях и партийных съездах «могут созываться совещания представителей делегаций для предварительного намечения кандидатур»⁵⁹. Список кандидатур, составленный вновь дозволенным «советом старейшин», выносился на обсуждение конференции, причём за делегатами признавалось право добавлять в него другие кандидатуры. Кроме того, согласно новой инструкции кандидатом можно было выдвинуть любого коммуниста, даже не являющегося делегатом конференции или съезда, а

представители вышестоящих органов получили право присутствовать на всех закрытых заседаниях, включая собрания представителей делегаций и тайное голосование⁶⁰.

Перечисленные нововведения были апробированы уже осенью 1939 г. на выборах руководящих органов первичных, районных и городских партийных организаций. Итоги этих выборов центр посчитал удовлетворительными, поэтому 5 февраля 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) распорядилось в феврале–марте провести выборы комитетов в республиканских, краевых и областных партийных организациях в соответствии с инструкцией от 29 августа 1939 г.⁶¹

К новой кампании готовились более тщательно, чем в прежние годы. Во избежание «неприятностей» на выборах Управление кадров ЦК ВКП(б) заранее отозвало тех региональных руководителей, которые не справлялись со своими обязанностями или были замешаны в злоупотреблениях, получивших широкую огласку. Из 566 секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик накануне конференций освободили, а затем понизили в должности, перевели в другой регион или отправили на учёбу 10 первых⁶², 18 вторых и 11 третьих секретарей, 24 секретаря по кадрам 22 по пропаганде и агитации⁶³. Одновременно Управление кадров оперативно выявляло различные нарушения на выборах парткомов, райкомов и горкомов, в первую очередь, открытое голосование в малочисленных организациях и избрание членами комитета кандидатов, получивших менее 50 % голосов. Эти нарушения происходили с разрешения обкомов, причём некоторые из них разработали дополнительные инструкции, чтобы упростить выборы на низовом партийном уровне⁶⁴.

В феврале–марте 1940 г. конференции и, соответственно, выборы прошли в 125 из 146 региональных парторганизациях (85,6 %) ⁶⁵. По мнению Управления кадров ЦК ВКП(б) они прошли «значительно организованнее», чем в 1938 г. Кандидатов выдвинули лишь на 11 % больше, чем требовалось избрать, причём обычно это происходило по инициативе совещаний представителей делегаций⁶⁶. Обсуждали кандидатуры быстро, в одно заседание, поскольку заслушивали биографии только малознакомых людей и вопросы задавали вопросов. Отводили исключительно тех, кто скрывал компрометирующие факты, прежде всего, своё социальное происхождение. В результате из 7267 кандидатов отвели лишь 42 человека (0,6 %) ⁶⁷. По итогам выборов состав региональных партийных комитетов обновился на 72,6 % (в 1938 г. – на 84,6 %), но следует учесть, что эти изменения произошли за два года. Зато секретарский состав изменился всего на 21 % (в 1938 г. – на 33 %), что свидетельствовало о его стабилизации⁶⁸.

Контролируемое выдвижение кандидатов позволило не только проводить выборы за день, но и минимизировать последствия возросшего протестного голосования, которое, вероятно, стало реакцией делегатов на ограничение их участия в выдвижении кандидатур.

Это голосование, прежде всего, проявилось в том, что в новый состав обкомов и крайкомов не избрали 16 секретарей: 2 первых⁶⁹, 2 вторых, 3 третьих, 6 по кадрам, 3 по пропаганде. Ещё 5 секретарей забаллотировали⁷⁰. Кроме того 18 секретарей (7 первых, 5 вторых, 2 третьих, 2 секретаря по кадрам и 2 по пропаганде) получили «большое количество» голосов «против», т. е. более 10%. При таком показателе секретари оказывались последними и предпоследними в списке избранных, и при наличии ещё одного-двух «дополнительных» кандидатов не прошли бы в новый состав партийного комитета. Именно так обстояли дела у первых секретарей А.В. Вагова (ЦК КП(б) Киргизии), В.М. Денисенко (Смоленск), А.А. Дубровского (Чкалов), М.Е. Квасова (Ворошиловград), Г.П. Огородникова (Архангельск) и несколько лучше у И.А. Власова (Саратов) и В.М. Кушнарёва (Марийский обком), занимавших 10–12 позицию с конца списка⁷¹. В ряде случаев выборы по новым правилам вообще предотвратили массовую замену секретарей. Так, на выборах Тамбовского обкома партии последними по количеству голосов «за» оказались сразу три секретаря – второй, третий и по кадрам⁷². Протестное голосование дало о себе знать и после конференций, на организационных пленумах, где открытым голосованием избирали секретарей и членов бюро комитетов. На этих пленумах не избрали 2 вторых и 1 третьего секретаря, 3 секретарей по кадрам и 2 по пропаганде, чего не случалось даже в 1937 г., когда выборы секретарей были тайными⁷³.

Партийные выборы 1940 г. показали, что регулирование демократии с помощью давно известных и проверенных приёмов («централизованное» выдвижение такого количества кандидатур, которое требуется избрать) себя полностью оправдало. Поэтому новая Инструкция о проведении выборов руководящих партийных органов⁷⁴, утвержденная Оргбюро ЦК ВКП(б) в преддверии выборов 1941 г. мало отличалась от инструкции 1940 г. В неё внесли лишь незначительные поправки и дополнения, касающиеся проведения отчётно-выборных собраний в первичных организациях, а также проведения городских и районных конференций в нерабочее время – по вечерам и в выходные дни⁷⁵. В этом варианте инструкция о выборах партийных органов использовалась до 1960-х гг.

Инструкции ЦК ВКП(б) 1940–1941 гг. унифицировали и формализовали все выборные процедуры, поставили их под максимально возможный контроль партийного руководства. Но даже в таком отрегулированном виде выборы могли доставить определённые «неприятности». Чтобы избежать этого высшее руководство давало соответствующие указания. Например, на совещании о проведении областных и краевых конференций в 1948 г. секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецов так пояснил вопрос о количестве кандидатур: «Задают вопрос о том, что можно ли на конференции добавлять к этому списку? Можно, почему же нельзя. Но я вам не рекомендую оставлять одного лишнего в списках для

голосования, иначе будут неприятности, вы сами знаете. Проходит районная конференция, количественный состав устанавливается 27 человек. В списке для тайного голосования остается 28 и, как правило, секретарь вылетает, хотя против него голосует ничтожное количество. На 70 человек можно оставить 5–8. Вот такой эксперимент, который в жизни не оправдывается, его проводить не стоит»⁷⁶. Найти такие рекомендации в документах 1940–1941 гг. не удалось, но они были более чем актуальны и до войны.

Изменения в системе выборов партийных органов в 1937–1941 гг. происходили в рамках «восстановления» основ внутрипартийной демократии и вместе с реформой советской избирательной системы 1936–1937 гг. являлись, вероятно, частью долгосрочной программы по преобразованию политической системы СССР, реализацию которой прервала война.

До второй половины 1930-х гг. не было единых правил проведения выборов, они проходили эпизодически и формально, т. к. списки кандидатов готовились заранее, а голосование было открытым. Переход к новой системе выборов начался неожиданно и для большинства функционеров, и для рядовых коммунистов. Весной 1937 г. высшее руководство объявило о введении единых, более демократичных процедур, которые, по сути, дублировали принципы нового советского избирательного права – свободное выдвижения кандидатур, подразумевавшее альтернативность выборов, и тайное голосование. Поспешное, неподготовленное внедрение новой системы происходило одновременно с мобилизацией коммунистов на борьбу с «врагами народа» и восстановление внутрипартийной демократии. Неограниченное выдвижение и обсуждение кандидатур стали для партийного актива самыми простыми и действенными способами проявить себя, в результате чего выборы затягивались на много дней и нарушали работу партийных органов. Именно это обстоятельство, а не итоги тайного голосования, показавшие высокую лояльность коммунистов к партийным функционерам, высшее и региональное руководство посчитали основным недостатком новой системы выборов. ЦК ВКП(б) ограничил применение тайного голосования на конференциях, отменил тайные выборы секретарей, улучшил инструктаж, а региональное руководство оптимизировало ряд процедур. Но решить проблему организационными мерами не удалось: в 1938 г. выдвижение и обсуждение кандидатур происходило также активно, как и прежде, в основном из-за подозрительности делегатов, вызванной в первую очередь длившимися более года репрессиями. Летом 1938 г. обозначилась ещё одна проблема – партийный актив стал чаще голосовать против региональных руководителей. Выборы делегатов на XVIII съезд ВКП(б), прошедшие в феврале–марте 1939 г. показали, что протестное голосование достигло угрожающих масштабов: десятки секретарей обкомов и крайкомов были забаллотированы, не избраны или получили большое количество голосов «против». Данное обстоятельство

могло серьёзно помешать стабилизации корпуса региональных руководителей после «номенклатурной революции» 1937–1938 гг. В этой ситуации центр существенно скорректировал исходные выборные принципы и процедуры. Ключевым моментом стал отказ от неограниченного выдвижения кандидатур и возврат к предварительному их отбору узким кругом руководителей. Партийные конференции 1940 г. показали, что это «новшество» не только сократило до минимума время проведения выборов, но фактически упразднило их альтернативность, т. к. кандидатов стали выдвигать столько, сколько требовалось избрать. Таким образом, введённые в 1937 г. демократичные партийные выборы из прагматических соображений как высшего, так и регионального руководства к 1941 г. были не только полностью унифицированы и формализованы, но и отрегулированы таким образом, что стали максимально управляемыми и предсказуемыми.

¹ Антоненков Л. Т. Развитие внутрипартийной демократии в период между XVII и XVIII съездами ВКП(б): дис. ... канд. ист. наук. М., 1953; Кокоть А. В. Борьба Коммунистической партии за проведение развернутой внутрипартийной демократии в 1937–1939 годах: по материалам КП Украины: дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1954; Семин А. С. Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за проведение развернутой внутрипартийной демократии, 1937–1939 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1952.

² Роговин В. З. 1937. М., 1996. С. 278.

³ Жуков Ю. Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2003. С. 343–344, 415–416; Жуков Ю. Н. Репрессии и Конституция 1936 года // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 18–19.

⁴ Павлова И. В. 1937: выборы как мистификация, террор как реальность // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 19–37.

⁵ Борисова Ю. А. Областные партийные комитеты как органы политической власти на местах в 1918–1937 гг.: на примере Западного региона РСФСР: дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. С. 28–90; Киросова Н. В. Система организации и проведения Коми областных партийных конференций (1921–1940 гг.) // Финно-угорский мир. 2013. № 2. С. 86–89; Морозова Т. И. Политические представления коммунистов Сибири о демократизации РКП(б)–ВКП(б) в 1920-е годы // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сборник научных статей. Вып. 6. Новосибирск, 2015. С. 106–132; Сушков А. В. Империя товарища Кабакова: уральская партноменклатура в 1930-е годы. Екатеринбург, 2019. С. 164–175; Филимончик С. Н. Стенограммы XIII–XV конференций Карельской областной партийной организации (1937–1939 гг.) как исторический источник // Актуальные проблемы источниковедения: материалы VII Международной научно-практической конференции, Витебск, 27–29 апреля 2023 г.: в 2 т. Витебск, 2023. Т. 2. С. 162–165.

⁶ Moore B. Soviet politics – the dilemma of power. Cambridge, 1950. P. 118, 234, 274–276.

⁷ Getty J. A. Origins of the Great purges: the Soviet Communist party reconsidered, 1933–1938. Cambridge, 1985. P. 142, 149, 153–164.

⁸ Gorlizki Y., Khlevniuk O. Substate dictatorship: networks, loyalty, and institutional change in the Soviet Union. New Haven; London, 2020. P. 8, 77–85, 146, 258.

⁹ Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М., 1959. С. 340–342, 362–363; Девятый съезд РКП(б). Март–апрель 1920 г. М., 1934. С. 418–419; Десятый съезд РКП(б). 8 марта–16 марта 1921 г. М., 1933. С. 338, 400–402.

¹⁰ Сартикова Е. В. Итоги III-й областной партийной конференции (9–15 мая 1922 г.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2018. № 1 (5). С. 99.

- ¹¹ Национальный архив Республики Башкортостан (далее – НАРБ). Ф. 122. Оп. 13. Д. 7. Л. 482–487; Объединённый государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). Ф. П-288. Оп. 1. Д. 3. Л. 5–6; «Центральный государственный архив Удмуртской Республики» - Государственный архив общественно-политической истории (далее – ЦГА УР - ГАОПИ). Ф. 16. Оп. 1. Д. 1243. Л. 205–208; Д. 1727. Л. 175–192.
- ¹² ЦГА УР - ГАОПИ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1727. Л. 175–190; *Сушков А. В.* Империя товарища Кабакова. С. 166–170.
- ¹³ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 7. Д. 246. Л. 1.
- ¹⁴ *Саламатова М. С.* Реформа избирательной системы в Конституции 1936 года: новые материалы // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2020. № 4. С. 112–123.
- ¹⁵ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1993. № 5. С. 3–14.
- ¹⁶ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 3–29; № 7. С. 3–21; *Бакулин В. И.* Февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б) 1937 года и его место в политической жизни советского общества // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 5. С. 9.
- ¹⁷ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 3. Оп. 22. Д. 159. Л. 39–40.
- ¹⁸ Дата и время разработки инструкции подтверждается отметками в делопроизводственных документах и записями в журнале посетителей кабинета И. В. Сталина. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1141. Л. 68–69; РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 159. Л. 34; На приёме у Сталина: тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953) / авт.-сост. А. В. Коротков, А. Д. Чернев, А. А. Чернобаев. М., 2008. С. 204.
- ¹⁹ Правда. 1937. 21 марта.
- ²⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 159. Л. 85.
- ²¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 159. Л. 84.
- ²² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 159. Л. 43–44.
- ²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 318. Л. 15.
- ²⁴ Например, в Курской области на Воловской районной конференции в состав райкома выдвинули 39 кандидатур, притом, что всего на конференции присутствовало 40 делегатов с решающим голосом. На Кореневской районной конференции выдвинули 59 кандидатур, хотя участие в ней приняло 50 делегатов с решающим голосом. См.: Правда. 1937. 23 мая; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 248. Л. 17, 31.
- ²⁵ НАРБ. Ф. 122. Оп. 17. Д. 46. Л. 509; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 9. Л. 111–112; ЦГА УР - ГАОПИ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2327. Л. 1–5; Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 15. Д. 1. Л. 4–6; Правда. 1937. 19 июня; *Филимончик С. Н.* Как в Карелии строили партию-крепость: опыт 1930-х годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 6. С. 94.
- ²⁶ НАРБ. Ф. 122. Оп. 17. Д. 46. Л. 500–541; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 9. Л. 3–111; ЦГА УР - ГАОПИ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2324. Л. 1–76; Д. 2325. Л. 1–97; Д. 2326. Л. 3–64; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 4. Л. 1–210; Д. 5. Л. 1–156; *Филимончик С. Н.* Как в Карелии строили партию-крепость. С. 94.
- ²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 248. Л. 28, 30.
- ²⁸ НАРБ. Ф. 122. Оп. 17. Д. 50. Л. 1–2; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 9. Л. 111–112; ЦГА УР - ГАОПИ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2327. Л. 1–5; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 1. Л. 4–6.
- ²⁹ ЦГА УР - ГАОПИ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2326. Л. 78–79; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 5. Л. 66, 236–237.
- ³⁰ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 9. Л. 109–110.
- ³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 318. Л. 19.

- ³² *Getty J. A.* Origins of the Great purges. P. 158.
- ³³ НАРБ. Ф. 122. Оп. 17. Д. 50. Л. 1; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 9. Л. 111; Правда. 1937. 20 июня.
- ³⁴ ЦГА УР - ГАОПИ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2327. Л. 1; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 1. Л. 25.
- ³⁵ *Филиппов С. Г.* Территориальные руководители ВКП(б) в 1934–1939 гг.: справочник. М., 2016. С. 279–280, 436–437, 482–483, 490–491, 602–604.
- ³⁶ Правда. 1937. 12 июня; Верой и правдой: ФСБ. Страницы истории. Ярославль, 2001. С. 124–126.
- ³⁷ Государственный архив общественно-политической истории Курской области. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 765. Л. 2; *Филиппов С. Г.* Территориальные руководители ВКП(б) в 1934–1939 гг. С. 637–638.
- ³⁸ *Жуков Ю. Н.* Иной Сталин. С. 416; *Getty J. A.* Origins of the Great purges. P. 162.
- ³⁹ *Хрущёв Н. С.* Воспоминания. Время. Люди. Власть. В 2 кн. Кн. 1. М., 2016. С. 107–109; *Абрамян К. А.* 1937 год. Н. С. Хрущёв и московская парторганизация. М., 2018. С. 142–146.
- ⁴⁰ *Фомичёв А. П.* Воспоминания. Тетрадь № 11. Страницы жизни секретаря райкома партии. С. 206–209. URL: <https://proza.ru/2019/01/02/186?ysclid=lwxx11duhw759571519> (дата обращения: 12.06.2024).
- ⁴¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 159. Л. 100–102.
- ⁴² Там же. Л. 112–115; Правда. 1938. 30 марта.
- ⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 318. Л. 1–2.
- ⁴⁴ Там же. Л. 10–12.
- ⁴⁵ Например, на всех региональных партийных конференциях заранее продумали процедуру выдвижения кандидатур. Где-то людей, выдвигающих кандидатов попросили становиться в живую очередь, а где-то заранее записываться. См.: НАРБ. Ф. 122. Оп. 18. Д. 22. Л. 166; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 349. Л. 1–2; ЦГА УР - ГАОПИ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2758. Л. 92.
- ⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 318. Л. 15.
- ⁴⁷ НАРБ. Ф. 122. Оп. 18. Д. 22. Л. 165; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 350. Л. 85; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 5. Л. 37–40.
- ⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 318. Л. 21.
- ⁴⁹ Там же. Л. 22.
- ⁵⁰ За исключением первого секретаря Карельского обкома ВКП(б) Н. И. Иванова, которого отозвали в ЦК ВКП(б) сразу после его доклада на партконференции. См.: *Филимончик С. Н.* Как в Карелии строили партию-крепость. С. 95.
- ⁵¹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 344. Л. 95–99.
- ⁵² НАРБ. Ф. 122. Оп. 19. Д. 30. Л. 26–29.
- ⁵³ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 7. Л. 506, 533–534; ЦГА УР – ГАОПИ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2759. Л. 195–196; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 34. Д. 3. Л. 62–67.
- ⁵⁴ НАРБ. Ф. 122. Оп. 19. Д. 30. Л. 26–29; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 7. Л. 586–587; ЦГА УР – ГАОПИ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2759. Л. 195–196; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 34. Д. 3. Л. 62–67.
- ⁵⁵ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчёт. М., 1939. С. 641–643.
- ⁵⁶ Там же. С. 526.
- ⁵⁷ Партийное строительство. 1939. № 16. С. 45–49.
- ⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 19. Л. 27–50.
- ⁵⁹ Порядок работы этих совещаний на разных конференциях был единообразен. Делегации от городских и районных партийных организаций выделяли своих представителей (по одному от 5–10 делегатов) и составляли списки кандидатур, которые сдавались в президиум. На совещании представителей делегаций составлялся и обсуждался единый список кандидатур, который затем выносился на обсуждение всей конференции. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 331. Л. 132–134.
- ⁶⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 159. Л. 159–168.

- ⁶¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 159А. Л. 1; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 65. Л. 1–3.
- ⁶² Х. В. Абдрахманов (Кзыл-Орда), К. Байманов (Гурьев), К. Г. Бечвая (Абхазия), В. Я. Борзов (Черкессия), А. А. Волков (Чувашия), В. А. Киселев (Удмуртия), Д. Ф. Маркин (Полесье), И. Д. Рязанов (Коми), Г. П. Силкин (Тамбов), А. А. Фролков (Харьков).
- ⁶³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 410. Л. 12; Д. 411. Л. 62–70.
- ⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 410. Л. 8.
- ⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 411. Л. 2.
- ⁶⁶ На Башкирской областной партийной конференции совещание представителей делегаций выставило 68 кандидатов на 65 членов обкома, а на Свердловской областной партийной конференции – 67 на 65. См.: НАРБ. Ф. 122. Оп. 20. Д. 9. Л. 415; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 35. Д. 1. Л. 4–6.
- ⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 410. Л. 9–10.
- ⁶⁸ Там же. Л. 10–11.
- ⁶⁹ Не были избраны первый секретарь Черкесского обкома ВКП(б) В. Я. Борзов и первый секретарь Полесского обкома КП(б) Белоруссии Д. Ф. Маркин.
- ⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 410. Л. 12; Д. 411. Л. 72–73.
- ⁷¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 410. Л. 13; Д. 411. Л. 81.
- ⁷² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 411. Л. 78.
- ⁷³ Там же. Л. 71–72.
- ⁷⁴ «Инструкция о проведении выборов руководящих партийных органов», утверждённая Оргбюро ЦК ВКП(б) 3 апреля 1941 г. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 254. Л. 103–108.
- ⁷⁵ Партийное строительство. 1941. № 7. С. 40–45.
- ⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 640. Л. 81.

Статья поступила в редакцию 13 мая 2024 г.
Рекомендована к печати 15 июля 2024 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Федоров А. Н. Унификация и формализация выборов руководящих органов ВКП(б) в 1937–1941 гг. // Новейшая история России. 2024. Т. 14, № 4. С.

Аннотация: Статья посвящена изменениям в системе выборов региональных и местных комитетов ВКП(б), произошедшим в 1937–1941 гг. На основе документов Российского государственного архива новейшей истории, Российского государственного архива социально-политической истории и ряда региональных архивов рассмотрен процесс преобразования системы выборов партийных органов. До второй половины 1930-х гг. отсутствовали единые правила проведения выборов, они проходили эпизодически и формально, т. к. списки кандидатов готовились заранее, а голосование было открытым. Весной 1937 г. высшее руководство ввело единые и более демократичные процедуры – свободное выдвижения кандидатур и тайное голосование. Поспешное внедрение этих процедур привело к тому, что партийные выборы 1937 г. были плохо организованы и длились очень долго. Чтобы улучшить их организацию ЦК ВКП(б) ограничил применение тайного голосования, но этого оказалось недостаточно. Более того, в 1938 г. обозначилась новая проблема – партийный актив стал чаще голосовать против своих руководителей. Выборы в начале 1939 г. делегатов на XVIII съезд ВКП(б) показали, что протестное голосование опасно усилилось: многие региональные руководители были забаллотированы, не избраны или получили большое количество голосов «против». В этих условиях центр существенно скорректировал исходные принципы и процедуры. Самое главное, вместо свободного выдвижения кандидатур вернулись к их предварительному подбору узким кругом руководителей. Партийные конференции 1940 г. показали, что данное «новшество»

не только сократило время проведения выборов, но фактически упразднило их альтернативность, поскольку кандидатов стали выдвигать столько, сколько требовалось избрать. В результате, введенная в 1937 г. вполне демократичная система выборов к 1941 г. была унифицирована, формализована и отрегулирована таким образом, что выборы руководящих органов ВКП(б) стали максимально управляемыми и предсказуемыми.

Ключевые слова: партия, демократия, выборы, комитеты, предвоенные годы, регионы, руководство, ВКП(б), СССР

Сведения об авторе: Федоров А. Н. — канд. ист. наук, доц., Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия); alex_boss@list.ru

Челябинский государственный университет, Россия, 454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

FOR CITATION

Fedorov A. N. 'Unification and Formalization of Elections to Party Committees in 1937–1941', *Modern History of Russia*, vol. 14, no. 4, 2024, pp.

Abstract: The article is devoted to the changes in the election of regional and local committees of the All-Union Communist Party of Bolsheviks that occurred in 1937–1941. The research is based on the documents of the Russian State Archive of Contemporary History, the Russian State Archive of Social and Political History and a number of regional archives. Until the second half of the 1930s there were no uniform rules for holding elections; they were held sporadically and formally, since lists of candidates were prepared in advance, and voting was open. In the spring of 1937, the top leadership introduced uniform and more democratic procedures – free nominations of candidates and secret ballot. The hasty implementation of these procedures led to the fact that 1937 party elections were poorly organized and lasted very long. To improve their organization the Central Committee restricted the use of secret balloting, but this was not enough. Moreover, in 1938 a new problem emerged – party activists began to vote against their leaders more often. The election of delegates to the XVIII Party Congress showed that the protest vote intensified: many regional leaders were blackballed, not elected or received a large number of “no” votes. In these circumstances, the center has significantly adjusted the initial principles and procedures. Most importantly, instead of free nomination of candidates, they returned to their preliminary selection by a narrow circle of leaders. The party conferences of 1940 showed that this “innovation” not only shortened the time of the elections, but also actually abolished their alternative, as candidates were nominated as many as it was necessary to elect. As a result, the completely democratic electoral system introduced in 1937 was completely unified, formalized and regulated by 1941 in such a way that elections became as manageable and predictable as possible.

Keywords: Party, Democracy, Elections, Committees, Pre-War Years, Region, Leadership, AUCP(b)

Author: Fedorov A. N. — PhD in History, Associate Professor, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia); alex_boss@list.ru

Chelyabinsk State University, 129, ul. Br. Kashirinykh, Chelyabinsk, 454001, Russia

References:

-
- Abramyan K. A. 1937. *N. S. Khrushchev and the Moscow party organization*. (Moscow, 2018). (In Russian)
- Antononkov L. T. *Development of intraparty democracy in the period between the XVII and XVIII Congresses of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (b)* [Candidate of History Dissertation] (Moscow, 1953). (In Russian)
- Bakulin V. I. '1937 February-march plenum of the Central Committee of the All-Union Communist party (bolsheviks) and its place in the political life of Soviet society', *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki*, no. 3, 2019, pp. 5–14. (In Russian). DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.5.5
- Borisova Yu. A. *Regional party committees as bodies of political power in the field in 1918–1937: the example of the Western region of the RSFSR* [Candidate of History Dissertation] (Moscow, 2008). (In Russian)
- Filimonchik S. N. 'How the fortress party was created in Karelia: the experience of the 1930s', *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 42, no. 6, 2020, pp. 91–99. (In Russian)
- Filimonchik S. N. 'Transcripts of the XIII–XV conferences of the Karelian regional party organization (1937–1939) as a historical source' in *Aktual'nye problemy istochnikovedeniya: mat-ly VII mezhdunarod. nauch.-prakt. konferencii*, (Vitebsk, 27–29 April 2023), vol. 2 (Vitebsk, 2023). (In Russian)
- Filippov S. G. *Territorial leaders of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (b) in 1934–1939: a reference book*. (Moscow, 2016). (In Russian)
- Getty J. A. *Origins of the Great purges: the Soviet Communist party reconsidered, 1933–1938* (Cambridge, 1985).
- Gorlizki Y., Khlevniuk O. *Substate dictatorship: networks, loyalty, and institutional change in the Soviet Union* (New Haven; London, 2020).
- Kirosova N. V. 'The system of organization and holding of Regional Komi party conferences (1921–1940)', *Finno-ugorskij mir*, no. 2, 2013, pp. 86–89. (In Russian)
- Kokot A. V. *Struggle of the Communist Party for the realization of the deployed intraparty democracy in 1937–1939: on the materials of the Communist Party of Ukraine* [Candidate of History Dissertation] (Kiev, 1954). (In Russian)
- Moore B. *Soviet politics – the dilemma of power* (Cambridge, 1950).
- Morozova T. I. 'Political perceptions of siberian communists about democratization in RCP(b)–AUCP(b) in 1920s', *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke. Sbornik nauchnykh statej*, vyp. 6. (Novosibirsk, 2015). (In Russian)
- Pavlova I. V. '1937: elections as a hoax, terror as reality', *Voprosy istorii*, no.10, 2003, pp. 19–37. (In Russian)
- Rogovin V. Z. *1937* (Moscow, 1996). (In Russian)
- Salamatova M. S. 'Reform of the electoral system in the Constitution of 1936: new materials', *Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs*, no. 4, 2020, pp. 112–123. (In Russian)
- Sartikova E. V. 'Results of the III regional party conference (May 9-15, 1922)', *Bjulleten' Kalmyckogo nauchnogo centra RAN*, no.1, 2018, pp. 51–102. (In Russian)
- Semin A. C. *The Communist Party of the Soviet Union in the struggle for the implementation of deployed intraparty democracy, 1937–1939* [Candidate of History Dissertation] (Moscow, 1952). (In Russian)
- Sushkov A. V. *Empire of Comrade Kabakov: the Ural party nomenclature in the 1930s* (Yekaterinburg, 2019). (In Russian)
- Zhukov Y. N. *Another Stalin. Political reforms in the USSR in 1933–1937* (Moscow, 2003). (In Russian)
- Zhukov Y. N. 'Repressions and the Constitution of 1936', *Voprosy istorii*, no. 1, 2002, pp. 3–26. (In Russian)

Принято к печати / Accepted

Received: May 13, 2024
Accepted: July 15, 2024

Принято к печати / Accepted manuscript

Принято к печати / Accepted manuscript